

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

№ №

1. Ив. Бунинъ.—На край свѣта.-Кастрюкъ.
2. — На чужой сторонѣ.-Танька.
3. С. Елпатьевскій —Гекторъ.
4. Н. Златовратскій.—Мечтатели.
5. Н. Никандровъ.—Береговой вѣтеръ.
6. А. Серафимовичъ.—Въ бурю.
7. — Стрѣлочникъ.
8. — На льдинѣ.
9. — Подъ праздникъ.
10. Н. Телешовъ.—Вѣрный другъ.
11. Н. Тренинъ.—Шесть недѣль.-Омелько.
12. С. Елпатьевскій.—„Отлетаетъ мой соколикъ“.
13. В. Вересаевъ.—Звѣзда.
14. Ив. Бунинъ.—Весенній вечеръ.
15. В. Вересаевъ.—Лизарь.-Къ спѣху.
16. Г. Яблочковъ.—Старикъ Цѣтуховъ.
17. — Горбатый Карлъ.-Смерть Мюллера.
18. Ив. Шмелевъ.—По приходу.
19. — Какъ надо.
20. — Лѣсъ.
21. — Въ стени.

Цѣна 10 к.

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

1386285

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА № 14

Ив. БУНИНЪ

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ

Москва 1916 г.

В86 285

Т-во «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ»

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 14

Ив. БУНИНЪ

х

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ

Москва 1916 г.

неф

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ

На Оминой недѣлѣ, въ ясный, чуть розовый вечеръ, въ ту прелестную пору, когда земля только что вышла изъ-подъ снѣга, когда въ степныхъ лошинекахъ еще лежитъ подъ голыми дубками сѣрый затвердѣвшій снѣжокъ, ходилъ по одной елецкой деревнѣ, отъ двора къ двору, старикъ нищій — конечно, безъ шапки, съ длинной холщевой кисой черезъ плечо.

Деревня эта большая, но молчаливая, полевая. Да и вечеръ такой выдался. Пусто было вдоль безконечно разливагося глинистаго пруда, на ровномъ выгонѣ, гдѣ, въ тѣни отъ избъ и пунекъ, шель, держа въ рукѣ высокую орѣховую палку, этотъ лысый и еще черный старикъ, похожій на святителя. Выгонъ чисто, ярко зеленѣлъ, въ воздухѣ свѣжѣло, прудъ, выпукло-полный, зеркально-тѣлеснаго тона, слегка алѣлъ и красивѣ былъ, хотя еще плавала въ немъ одна бутылочно-зеленая, въ рыжемъ навозѣ, льдина. Гдѣ-то на томъ боку, тепло и ласково освѣщенномъ въ упоръ низкимъ солнцемъ, — гдѣ-то, какъ казалось, очень далеко, — плакалъ ребенокъ, заблудившійся за какой-нибудь ригой или амбаромъ, и хорошо было слушать по зарѣ его жалобный однообразный плачь... Но подавали плохо.

Тамъ, при въѣздѣ, возлѣ стараго богатаго двора съ вѣковыми дубами въ грачиныхъ гнѣздахъ за темно-красной кирпичной избой въ три связи, подала молодая сѣроглазая бабочка, да и то пустякъ. Стояла она у

722303 ✓

каменнаго порога среди подсыхающей весенней грязи, на тугой тропинкѣ, держала сидѣвшую у нея на рукахъ хорошенькую дѣвочку съ бессмысленными голубыми глазками, въ разнолоскутномъ чепчикѣ и, прижимая ее къ себѣ, плясала, притопывала босыми ногами и повертывалась, раздувая ситцевую юбку.

— Вонъ старикъ, сейчасъ въ сумку отдамъ, — заговорила она сквозь зубы, впиваясь губами въ щечку дѣвочки:

Испайду плясать,
Альни полъ хруститъ,
Мое дѣло молодое,
Меня Богъ простить...

И, перевернувшись, перемѣнила голосъ на звонкій, кому-то подражающій, кокетливый:

— Старикъ, старикъ, не надобно ли вамъ дѣвочку?

Дѣвочка не испугалась, она спокойно сусолила толстую баранку—и мать, шутя, на всѣ лады, стала уговаривать дѣвочку отдать ее подошедшему и улыбавшемуся нищему:

— Отдай, дѣточка, отдай, а то мы съ тобой во всемъ дворѣ однѣ-одинешеньки, намъ и милостинку сотворить не изъ чего...

И дѣвочка тупо протянула короткую ручку, свой маленькій кулачокъ съ зажатой въ немъ слюнявой котелкой. И нищій, съ улыбкой качая головой на чужое счастье, взялъ и пошелъ, на ходу закусывая.

Онъ шелъ, держа палку на отлетѣ, наготовѣ: то кубаремъ катится подъ ноги злая хрипучая шавка—и, докатившись, неожиданно смолкаетъ; то желтый пушистый кобель яростно деретъ, кидаетъ землю задними ногами, стоя возлѣ пуньки, и рычитъ, захлебываясь, съ огненными глазами... Подойдя къ избѣ, къ маленькому окошечку, нищій смиренно кланялся и легонько сту-

чалъ батожкомъ въ раму. Но часто никто не отзывался на этотъ стукъ: еще достѣвали, допахивали многіе, были въ полѣ. И старая крестьянская душа даже втайнѣ радовалась: въ полѣ народъ... это время годъ кормить... не до нищихъ... А порой за стеклами, въ которыя постукивалъ нищій, склонялась сидѣвшая на лавкѣ съ груднымъ на рукахъ бѣлолицая баба. Въ окошечкѣ, маленькомъ, бѣдномъ, она казалась очень большою. Ничуть не стыдясь, что нищій видитъ ея мягкую пшеничную грудь, она махала крупной рукой въ серебряныхъ кольцахъ, а ребенокъ, не выпуская сладкаго соска изо рта, лежалъ, смотрѣлъ ей въ лицо темными ясными глазами, дралъ голыя каряки въ розовыхъ точкахъ отъ блохъ.— „Богъ дастъ, не прогнивайся!“—говорила баба спокойно. Что до старухъ, то каждая, болѣзненно морщась, неперемѣнно высывалась наружу и долго жаловалась, все твердила, что рада бѣ радостью подать, да нечего... всѣ въ полѣ... а безъ спросу боязно, ее, старуху, и такъ заглодали... Нищій соглашался, говорилъ:— „Ну, прости за ради Бога“—и шелъ дальше.

Онъ сдѣлалъ за день верстъ тридцать и ничуть не утомился: только одервенѣли, притупились, стали не ладно ковылять ноги. Длинный мѣшокъ его былъ до половины набитъ корками и кѣй-какимъ добришкомъ; а подъ низками, подъ армякомъ въ большихъ заплаткахъ, подъ овчинной курткой и заношенной рубахой, уже давно висѣла на крестѣ ладонка, гдѣ зашито было девяносто два рубля бумажками. И на душѣ у него было покойно. Конечно, старъ, худъ, вывѣтрился,—ротъ стянутый, пересохшій до-черна, носъ какъ кость, шея вся въ трещинахъ, клѣтчатая, точно пробковая,—но бодръ еще. Глаза, когда-то бывшіе черными, гноились и туманились легкими бѣльями; да все-таки видѣли—и полноводный прудъ, и позовый свѣтъ на из-

бахъ на томъ боку, и даже чистое блѣдное небо. Воздухъ свѣжѣлъ, слышнѣе, но какъ будто еще дальнѣе замиралъ дѣтскій плачь, пахло холодѣющей травой... Два голубя дружно пронеслись надъ крышами, пали на глинистомъ берегу и, подымая головки, стали пить... Давеча на большой дорогѣ, въ одинокомъ дворѣ, разшедрились бабы: подали большой кусокъ коленика и хорошіе, совѣмъ еще хотъ куда штаны: справилъ себѣ ихній малый, да придавило его въ ямѣ, въ пищулѣ, гдѣ мужики глину копали. Теперь нищій шелъ и думалъ: не то сбыть ихъ, не то самому надѣть, а свои, ужъ очень не парадные, въ полѣ подѣ между кинуть?

Кончивъ деревню, онъ повернулъ въ короткій переулочекъ, на выѣздъ въ степь. И въ глаза ему глянуло лучистое, погожее апрѣльское солнце, опускавшееся далеко за равниной, за сѣрыми парами и ярыми вземтами. На самомъ выѣздѣ, на поворотѣ укатанной блестящей дороги въ ту дальнюю притынную деревушку, гдѣ думалъ заночевать нищій, стояла небольшая новая изба, плотно крытая впривеску лимонной старновкой. Ото всѣхъ отдѣлясь, поселились тутъ съ годъ тому назадъ, — еще щепя валялась кое-гдѣ, — мужъ съ женой, люди хозяйственные и пріятные, тайкомъ торговавшіе водкой. Нищій и пошелъ прямо къ этой избѣ: штаны можно было продать хозяину ея; да любилъ онъ и просто заходить въ нее, любилъ за то, что живетъ она какой-то своей, особенной жизнью, тихой и прочной, стоять на выѣздѣ и глядеть чистыми окошечками на закатъ солнца, при которомъ допѣваютъ въ холодѣющемъ воздухѣ свои вечернія пѣсни жаворонки. Подѣ глухой стѣной, выходящей въ переулокъ, была тѣнь. А съ лица было весело. Прошлой осенью хозяинъ посадилъ подѣ окошечками три куста акации. Теперь они принялись и уже опушились желтоватой зеленью, ажною,

какъ на вербѣ. Обойдя ихъ, нищій вошелъ черезъ сѣни въ горницу.

Сперва, послѣ солнца, онъ ничего не видѣлъ, хотя солнце и сюда глядѣло, освѣщая голубой прозрачный дымъ, плававшій надѣ столомъ, подѣ висячей жестяной лампочкой. Выгадывая время для глазъ, онъ долго кланялся, крестился на новую фольговую икону въ углу. Потомъ сложилъ мѣшокъ и палку возлѣ двери на полъ и различилъ крупнаго мужика, въ лаптяхъ и оборванномъ полушубкѣ, сидѣвшаго спиной къ двери, на скамейкѣ за столомъ, а на лавкѣ — нарядную хозяйку.

— Благодать намъ Господня, — негромко сказалъ онъ ей, еще разъ кланяясь. — Съ прошедшимъ праздникомъ.

Хотѣлъ было сѣсть «Христось Воскресе», да почувствовалъ, что будетъ нехстати, и подумалъ:

— А хозяйина-то, знать, дома нѣту... Жалко.

Хозяйка была хороша собой, съ ладнымъ станомъ, съ бѣлыми руками, точно и не баба простая. Одѣта она была, какъ всегда, по-праздничному: перловое ожерелье, миткалевая сорочка съ тонкими вздутыми рукавами, краснымъ и синимъ расшитая занавѣска, шерстяная кубовая юбка въ кирпичную клѣтку и грубые, но крѣпко и по ногѣ сшитые полсапожки со стальными подковками. Склонивъ аккуратную голову, чистое лицо, она вышивала рубаху мужу. Когда нищій поздоровался, она подняла на него твердые, безъ блеску глаза, пристально посмотрѣла и привѣтливо кивнула. Потомъ, легонько вздохнувъ, отложила работу, ловко воткнувъ въ нее иголку, прошла, постукивая по деревянному полу полсапожками и виляя задомъ, къ печкѣ, вынула изъ шкапчика косушку водки и толстую чашку въ синихъ разводахъ.

— А притомился, однако... — негромко, какъ бы про себя сказалъ нищій — и въ извиненіе за водку, и слегка

смущаясь молчаніемъ не повернувшись къ нему мужика.

Мягко ступая лаптями, скромно обойдя его, онъ сѣлъ на другую лавку, на уголь стола, напротивъ. А хозяйка поставила передъ нимъ косушку, чашку и вернулась къ работѣ. Тогда тяжело поднявъ голову этотъ здоровый оборванный степнякъ, — передъ нимъ зеленѣлъ цѣлый полштофъ, — и, прищурившись, уставился на своего скромнаго собутыльника. Можетъ, онъ и притворялся малость; но все же лицо его воспалено было, глаза пьяны, налиты мутнымъ блескомъ хмеля, пересмягчія губы полураскрыты, точно въ жару: видно, ужъ не первый день пилъ онъ. И нищій слегка подтянулся и осторожно сталъ наливать свою чашку. Что жъ, молъ, всякій свое пьетъ... тутъ шинокъ, и мы другъ дружкѣ не мѣшаемъ. Онъ приподнялъ голову, и туманно-черные глаза его цвѣта спѣлаго терна, весь его вывѣтренный и загрубѣвшій въ степи обликъ ничего не выражали.

— Гдѣ таскался? — грубо и шало спросилъ мужикъ. — Воровать пришелъ, благо народъ въ полѣ?

— Зачѣмъ воровать? — ровно и скромно отозвался нищій. — У меня шесть человекъ дѣтей было, свой домъ, хозяйство...

— Слѣпой, слѣпой, а, небось, сколько натаскалъ перьевъ, прутьевъ у свою яругу!

— Зачѣмъ? Я въ черной работѣ на шахтахъ харьцызскихъ десять лѣтъ работалъ...

— Это не работа. Это...

— Ты лишняго не говори, — не возвышая голоса, не поднимая рѣсеницъ, сказала хозяйка и перекусила нитку. — Я похабнаго не слушаю. Отъ мужа еще не слыхала.

— Ну, молчи, не буду... барыня! — сказалъ мужикъ. — Низвините, я тебѣ спрашиваю, — сказалъ оцъ, нахму-

риваясь, нищему: — какія такія шахты, когда земля не сѣяна, не скорожена?

— Да вѣдь, конечно... у кого она есть къ примѣру...

— погоди я тебѣ умиѣй, — сказалъ мужикъ, хлопнувъ ладонью по столу. — Отвѣчай на вопросъ: въ солдатахъ служилъ?

— Ундеръ-церь десятаго гренадерскаго малороссійскаго генераль-фитмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полка... Какъ же такъ не служилъ?

— Молчи, не вякай лишняго! Въ какомъ году взяли?

— Семьдесятъ шестомъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

— Ничѣмъ не былъ провинень?

— Никакъ нѣтъ.

— Начальство ублажалъ?

— Не могъ того не дѣлать. Присягу прималъ.

— А это что за шрамъ на шеѣ? Понялъ, ай нѣтъ, куда я вижу? — Это я его испытываю, — сказалъ мужикъ, угрюмо двигая бровями, но мѣняя властный тонъ на болѣе простой и обращая къ хозяйкѣ свое шальное лицо, золотисто освѣщенное сквозь табачный дымъ закатомъ. — Я его насквозь вижу... Я бѣденъ, бѣденъ, а не одного такого-то оброталъ! Не лаптемъ тоже щи хлебаю!

И опять нахмурился, взглянувъ на нищаго:

— Передъ святымъ крестомъ-евангелиемъ преклонялся?

— Такъ точно, — отвѣтилъ нищій, успѣвшій выпить, вытереться рукавомъ, сѣсть опять прямо и придать своему лицу и туманнымъ глазамъ безстрастное выраженіе.

Мужикъ мутно оглядѣлъ его:

— Встань передо мной!

— Не шуми. Тебѣ сказано, ай нѣтъ? — спокойно вмѣшалась хозяйка.

— Постой ты за ради Бога,—отмахнулся мужикъ и повторилъ:—Встань передо мной!

— Да что-й-то вы, ей Богу... — забормоталъ было нищій.

— Встань, тебѣ говорятъ!—крикнулъ мужикъ.— Я тебѣ вопросъ сдѣлаю.

Нищій поднялся и переступилъ съ ноги на ногу.

— Руки по швамъ! Такъ. Пачпортъ есть?

— Да ай вы урядникъ, что ли...

— Молчи, не смѣй такъ балакать со мной! Я умнѣй тебѣ! Я самъ тянулъ. Показывай сію минуточку!

Покорно, поспѣшно отстегнувъ крючки армяка, потомъ овчинной куртки, нищій долго рылся за пазухой. Наконецъ, вытащилъ завернутую въ красный ветхій платочекъ бумагу.

— Подай сюда,—отрывисто сказалъ мужикъ.

И развернувъ платочекъ, нищій подалъ ему истертую сѣрую книжечку съ большой сургучной печатью. Мужикъ неловко раскрылъ ее корявыми пальцами и, дѣлая видъ, что читаетъ, далеко отставилъ отъ себя, откинулся и долго смотрѣлъ сквозь дымъ и краснѣющій свѣтъ зари.

— Такъ. Вижу. Все въ аккуратѣ. Бери назадъ,—съ трудомъ сказалъ онъ спекшимися губами. Я бѣденъ, бѣденъ, я, можетъ, другую весну не пащу, не сѣю... меня люди зарѣзали, я у него, у собаки, въ ногахъ валялся... а мнѣ, можетъ, цѣны нѣту... А что наворовалъ, сказывай, а то убью сейчасъ! — крикнулъ онъ свирѣпо.—Я все знаю, все прійзошелъ... самъ въ смолѣ кипѣлъ... Жизнь намъ Господь даетъ, а отымаешь ее всякая гадина... Давай сюда мѣшокъ и болѣ никакихъ!

Хозяйка только головой качнула и отклонилась отъ вышивки, разглядывая ее. Нищій пошелъ къ двери, по-

далъ мужику и мѣшокъ. Мужикъ взялъ, положилъ возлѣ себя на скамейку и, приминая его, сказалъ:

— Правильно. Теперь садись, давай побалакаемъ. Я всѣ эти дѣла разберу. Я свою ревизію сдѣлаю, не бойся!

И замолчалъ, уставившись въ столъ.

— Вясна—пробормоталъ онъ:—Ахъ, да разнесчастная субботушка, нельзя въ полѣ работать... Дѣлай!—крикнулъ онъ кому-то, стараясь щелкнуть пальцами:

Пошла барыня плясать,
Голубые пальцы...

И опять замолчалъ. Хозяйка заглаживала наперсткомъ вышивку.

— Я корову пойду доить,—сказала она, поднимаясь съ мѣста.—Огня безъ меня не вздувайте, а то еще пожару спяну надѣлаете.

Мужикъ очнулся.

— Господи! — воскликнулъ онъ обиженно. — Хозяюшка! Да неужто мы... Объ мужу небось скучились?

— Это не твоя печаль,—сказала хозяйка.—Онъ въ городъ, по дѣлу. По кабакамъ не таскается.

— Потаскаешься!—сказалъ мужикъ.—Что жъ мнѣ, ай подь дорожку теперь выходить? Вамъ, чертямъ, богатымъ, хорошо...

Хозяйка, захвативъ подошникъ, вышла. Въ избѣ темнѣло, было тихо, и розовый свѣтъ разливался въ темнотѣ, мягкой, весенней. Мужикъ, облокотясь на столъ, дремалъ, насасывая потухшую цигарку. Нищій сидѣлъ смирно, неслышно, прислонясь къ темному простѣнку, и лица его почти не было видно.

— Пиво пьешь?—спросилъ мужикъ.

— Пью.— послышался изъ сумрака негромкій отвѣтъ.

Мужикъ помолчалъ.

— Бродяги мы съ тобой,—сказалъ онъ хмуро и задумчиво.—Сволота несчастная... побирušки... Миѣ съ тобой скушно!

— Это правильно...

— А пиво я люблю,—опять помолчавъ, громко сказалъ мужикъ.—Не держать, стерва! А то бы я и пива выпилъ... и закусилъ бы... у меня языкъ намокъ, ѣсть хочется... Закусилъ бы и выпилъ... да... А эта, хозяйка, хороша лицомъ! Миѣ бы такую-то на пристяжку, я бы... Ну, ничего, сиди, сиди... Я слѣпыхъ уважаю. Придетъ престольный праздникъ, я ихъ, слѣпыхъ-то, бывало, чело-вѣкъ двадцать за столъ посажу, у насъ дворъ былъ — поискать такого-то! Они миѣ и стихъ споютъ, и поклоняются... Стихи можешь пѣть? Про Алексѣя Божья чело-вѣки? Я этотъ стихъ долюбую. Бери чашку, — своей угощу...

Взявъ изъ рукъ нищаго чашку, онъ поднялъ ее на слабый свѣтъ зари и осторожно налилъ до половины. Нищій всталъ, низко поклонился, вытянулъ чашку до дна и опять сѣлъ. Мужикъ потащилъ къ себѣ на колѣни его мѣшокъ и, развязывая, забормоталъ:

— Я тебя сразу понялъ... У меня, братъ, денегъ, хватить, я тебѣ не ровня... Я ихъ хладнокровно проживаю... пропиваю... Въ годъ по лошади пропиваю, по хорошему барану прокуриваю... Ага! Накололся на мужичка, понялъ теперь, кто я такой? А миѣ тебѣ жалко... Я понимаю! Васъ, такихъ-то, тыщи весеннее время идутъ... Грязь, чичерь, ни путя, ни дороги, а ты иди, кланяйся... да еще не то дадутъ, не то нѣтъ... Братъ! Разя я не понимаю?—спросилъ мужикъ горько и глаза его наполнились слезами.

— Нѣтъ, вешнее время ничего, хорошо,—тихо сказалъ нищій. — Идешь полемъ, большакомъ... одинъ, какъ

есть... Опять же солнушко, тепло... Правда, большія тысячи насъ такихъ-то идутъ. Поль-Россіи идетъ.

— Я двѣ лошади пропилъ,—сказалъ мужикъ, выгребая изъ мѣшка корки, вытаскивая жилетку, коленкоръ, штаны и лапотъ.—Я всѣ твои хрунки, лохмотья несчастные разберу... Стой! Брюки! Это я у тебя, съ деньгами справлюсь, обязательно куплю... Сколько?

Нищій подумалъ.

— Да я бы за два отдалъ...

— Троякъ дамъ!—сказалъ мужикъ, поднимаясь, подсовывая подъ себя штаны и садясь на нихъ.—Мои! А лапотъ гдѣ другой? Совсѣмъ новый,—значить, обязательно укралъ... Ну, да ужъ лучше воровать, чѣмъ такъ-то, не хуже меня, сердце себѣ терзать вешнее время, съ голоду околѣвать, сѣнцы послѣднія раскрывать, когда послѣдній пастухъ и тотъ при дѣлу... Я лошадь пропилъ, а она, скотина-то, дороже чело-вѣка стоитъ... Ай я не пахарь, не косецъ?—А теперь пой стихъ, а то убью сейчасъ!—крикнулъ онъ.—Миѣ съ тобой скушно!

Дрожащамъ, скромнымъ, но привычнымъ голосомъ нищій зашѣлъ изъ темноты:

Жили были братья родные,
Богомъ-Христомъ братья сводные...

— Ахъ, да и сводная—высоко и жалостно подхватилъ мужикъ, надрываясь.

Нищій ровнымъ церковнымъ напѣвомъ продолжалъ:

Одинъ бѣдень-скудень,
У гною-проказѣ...

— А другой бога-атый!—не въ ладъ, заглушая его, со слезами въ голосѣ подхватилъ мужикъ.—Сердитѣй!—крикнулъ онъ, срываясь.—Мине горе сѣло, у всѣхъ людей праздникъ, у всѣхъ людей сѣвы, а я грызу землю,

на, родимая, другую весну у меня пустуя... Подай сюда чашку, а то убью сейчас! Открой мнѣ окошко!

И опять нищій покорно подалъ чашку. Потомъ сталь отворять окно. Новое, оно забухло и долго не подавалось. Наконецъ, подалось, распахнулось. Свѣжо, хорошо запахло полемъ. Поле было уже совсѣмъ темно, мутно-розовая заря потухла, чуть рѣяла надъ мягкой тьмой его, тихаго, счастливаго, оплодотвореннаго. Слышно было, какъ допѣвали свои самыя послѣднія пѣсни полусонные жаворонки.

— Пой, Лазарь, пой, родной мой братяцъ!—сказалъ мужикъ нѣжно, протягивая нищему полную чашку.— Оба мы съ тобой... Только что ты передо мной? Бродяга! А я рабочій человѣкъ, всѣхъ страдающихъ поилецъ-кормилецъ...

Онъ тяжело, срыву сълъ и опять полѣвъ въ мѣшокъ.

— А это что у тебя такое?—спросилъ онъ, разглядывая коленкоръ, чуть порозовѣвшій отъ едва уловамаго свѣта зари.

— Такъ... бабы подали,—сказалъ нищій тихо, чувствуя, что отъ хмеля все плыветъ подъ нимъ, что пора уходить и что надо какъ-нибудь вытянуть изъ-подъ мужика штаны.

— Какъ—такъ? Брешь!—крикнулъ мужикъ, ударя кулакомъ по столу.—Это саванъ—вижу! Это гробный саванъ!—со слезами крикнулъ онъ и помолчалъ, какъ будто слушая затихающія пѣсни жаворонковъ. Потомъ отпихнулъ онъ отъ себя мѣшокъ и, замотавъ лохматою головою, заплакалъ: — Возгордился я на Бога!—горько сказалъ онъ, плача.

И натуживаясь, ладно, сильно запѣлъ:

Зародила-сохранила меня мать,
Непростительнаго!

Усь муки прійзашель,
Всѣ печали прійзашель,
Нигдѣ счастья не призрѣлъ!
Говорила мине мать,
Приговаривала:
Кабы знала-вѣдала,
Такой чады никогда
Не стерпѣла бы...

— Душа моя грѣшница, веретеница!—дико закричалъ онъ,—плача, и вдругъ съ жуткимъ хохотомъ захлопалъ въ ладоши:—Нищій человѣкъ, отдай мнѣ свои деньги! Я тебя насквозь знаю, я тебѣ насквозь чую—отдай! Знаю, что есть! Не можетъ того быть, чтобы не было,—отдай за ради самого Господа-Бога!

И, шатаясь, поднялся, и у нищаго, тоже поднявшагося, отнялись ноги отъ страха, заныло въ ляжкахъ. Заплаканное лицо мужика, чуть видное въ сумракѣ, было безумно.

— Отдай! — повторилъ онъ сразу охрипшимъ голосомъ.—За ради Царицы Небесной—отдай! Вижу, вижу—за грудь, за пельки ухватился,—значить, есть,—у васъ у всѣхъ есть! Отдай,—тебѣ все равно ни къ чему, ты въ гробу одной ногою, а я навѣкъ человѣкомъ стану! Отдай добромъ,—братъ, родной, не доводи до грѣха!

— Никакъ нѣтъ, — тихо и безстрастно сказалъ нищій.

— Какъ?

— Никакъ нѣтъ. Двѣнадцать лѣтъ собиралъ. Не рѣшусь.

— Не отдашь?—сипло спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ...—едва слышно, но непоколебимо сказалъ нищій.

Мужикъ долго молчалъ. Въ темнотѣ было слышно, какъ у обоихъ стучать сердца.

— Хорошо, — съ безумной покорностью проговорилъ мужикъ. — Я тебѣ убью. Пойду, найду камень и убью.

И, шатаясь, пошелъ къ порогу.

Нищій, прямо стоя въ темнотѣ, широко и медленно перекрестился. А мужикъ, быкомъ склонивъ голову, уже ходилъ подъ окнами.

Потомъ послышался хрустъ, — видно, онъ выдираля камень изъ фундамента.

И черезъ минуту дверь снова хлопнула — и нищій вытянулся еще болѣе.

— Остатній разъ тебѣ говорю... — пробормоталъ мужикъ спаленными губами, подходя къ нему съ большимъ бѣлымъ камнемъ въ рукахъ. — Братъ...

Нищій молчалъ. Лица его не было видно. Размахнувшись лѣвой рукой и поймавъ нищаго за шею, мужикъ крѣпко ударилъ его въ откачнувшееся лицо холоднымъ камнемъ. Нищій рванулся назадъ и, падая, задѣвая лаптемъ столъ, стукнулся затылкомъ объ лавку, потомъ объ полъ. И навалившись на него, мужикъ сталь яростно, сдавивъ въ груди дыханіе, перебивать ему камнемъ горло.

Черезъ десять минутъ онъ былъ уже далеко въ темномъ, ровномъ полѣ. Было звѣздно, свѣжо. Совсѣмъ трезвый, онъ шелъ такъ быстро и такъ легко, что, казалось, можно было еще сто верстъ пройти. Ладонку, сорванную съ креста нищаго, онъ крѣпко держалъ въ кулакѣ. Потомъ далеко отшвырнулъ въ темные взметы. Глаза его стояли по-совиному, зубы были стиснуты, какъ клещи. Раскрытую голову, — шапку онъ не нашелъ въ темнотѣ, хотя искалъ долго, — обливало холодомъ. Она была какъ каменная.

